

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

*Н. В. Козырева***ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ XXIV–XVIII ВВ.
ДО Н. Э. В ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ**

Институт восточных рукописей РАН,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

История Великой Месопотамии периода ранней древности во многом определялась взаимодействием двух различных культурно-хозяйственных групп, населявших в то время юг (Южная Месопотамия) и север (Северная Месопотамия и Северо-Западная Сирия) этого региона. Ранняя модель общественного устройства, сформировавшаяся в IV тыс. до н. э. на юге, была основана на феномене города как эгалитарной самоуправляющейся хозяйственной системы. В то же самое время на севере шло формирование централизованных территориальных структур с наследственной царской властью. На протяжении почти полутора тысяч лет, когда эти две модели существовали параллельно, неоднократно предпринимались попытки включить города юга в рамки северной централизованной системы. Однако механическое объединение обществ с совершенно разными системами организации власти, производства и распределения ресурсов не могло быть успешным. Городское население юга и прежде всего старая городская элита отвечали на такие попытки периодическими восстаниями (XXIV, XXIII и XVIII вв. до н. э.). Эти восстания жестоко подавлялись, но как только центральная власть начинала ослабевать, административные структуры, созданные этой властью, также быстро распадались, в то время как местные институты власти заново восстанавливались и города Южной Месопотамии возвращались к существованию в рамках традиционной модели. Это происходило неоднократно, но в последний раз (XVIII в.) внутренних ресурсов, по-видимому, уже не было, и города юга после жестокого подавления очередного поднятого ими восстания против центра просто исчезли с политической карты Южной Месопотамии. Библиогр. 21 назв. Ил. 1.

Ключевые слова: ранняя древность, Южная Месопотамия, городские системы, централизованное государство, восстания городов.

URBAN UPRISINGS IN SOUTHERN MESOPOTAMIA (24th–18th CENTURY B.C.)*N. V. Kozyreva*

Institute of Oriental manuscripts RAS,
18, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation
St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The history of Great Mesopotamia in early antiquity was to a large extent shaped by the interaction of two different cultural and economic groups that inhabited the South (Southern Mesopotamia) and

the North (Northern Mesopotamia and northwestern Syria) of the region. The early model of social organization formed in the fourth millennium BC in the South was that of a city as an egalitarian self-ruling economic system. At the same time, centralized territorial structures of the North were governed by hereditary royal power. For almost 1,500 years, when the two models co-existed, the North attempted repeatedly to include the southern cities in its own centralized system. But these attempts at formal integration for two societies with different systems of power, production and distribution were unsuccessful. The urban population of the South, the old elite of the cities in the first place, responded to integrationist attempts with recurrent uprisings (24th, 23rd and 18th centuries BC). The uprisings were being severely suppressed by the northern central power, but its slightest weakening triggered the processes of disintegration of newly made administrative structures and re-establishing of local power institutions. The cities of the Southern Mesopotamia then reverted to their traditional existence. This pattern recurred continually but after the last suppression of a southern uprising (18th century BC), southern resources were depleted beyond regeneration and the cities of the South disappeared from the political map of Mesopotamia. Refs 21. Fig.1.

Keywords: early antiquity, Southern Mesopotamia, urban systems, centralized state, urban uprisings.

Многие исследователи древности традиционно рассматривают ранний период истории Месопотамии в виде поступательного движения, направленного в сторону постепенного развития государственности, так что более простые формы хронологически и эволюционно сменялись более сложными (например, община — город-государство — территориальное государство — империя). Такая точка зрения во многом формировалась в рамках общепринятого представления о «прогессе», историческом развитии человечества как последовательном движении от простого к сложному, от низших ступеней к высшим. Однако на примере ранней истории Южной Месопотамии можно проследить взаимодействие различных моделей социальных, экономических и политических структур, существовавших синхронно и хронологически и эволюционно не наследовавших друг другу.

История региона Великой Месопотамии¹ периода ранней древности (IV — середина II тыс. до н.э.) во многом определялась взаимодействием двух различных культурно-хозяйственных групп, населявших в то время эту территорию. Условно эти группы можно обозначить как «южную» (шумерскую, территориально южно-месопотамскую = юг) и «северную» (семитскую, территориально сирийскую и северо-месопотамскую = север)². И. Гельб был первым, кто предложил свою гипотезу относительно разного политического и культурного развития в IV–III тыс. до н.э. территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, с одной стороны, и Южной Месопотамии — с другой. По его мнению, почти одновременно с шумерской

¹ Термином «Великая Месопотамия» обозначают всю территорию Междуречья Тигра и Евфрата от истоков этих великих рек до их устья. При всем многообразии природных условий этого огромного региона в нем довольно четко выделяются две главные зоны: 1) Северная (Верхняя) Месопотамия, занимающая север и северо-запад Междуречья, и 2) Южная (Нижняя) Месопотамия, занимающая его южную часть.

² Понятие «культурно-хозяйственная группа» для обществ ранней древности во многом совпадает, вероятно, с понятием «этническая группа». Одной из определяющих ее характеристик, помимо общего языка, общего происхождения, территориальной близости и формирующихся на этой основе общих культурных традиций, были такие аспекты, как характер экологической адаптации данной группы и соответствующее этому устройство ее хозяйственной жизни и социума. Именно на этом фундаменте возникали совместные идеологические установки, представлявшие собой некий общий «набор» идей и символов, опираясь на который члены данной группы могли рассчитывать на взаимную солидарность.

культурно-хозяйственной общностью, сформировавшейся в Южной Месопотамии (далее — юг), на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии (далее — север) возникла другая высокоразвитая «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории» [1; 2].

Разные варианты общественного устройства севера и юга в значительной степени были определены спецификой местных природных условий, к которым должно было адаптироваться население этих территорий. Это касалось прежде всего совершенно разных возможностей, которые предоставляли для занятия земледелием естественно орошаемые земли севера и требовавшие обязательной ирригации регионы юга. Следствием этого было формирование разных вариантов организации производства материальных ресурсов. Соответственно, развитие систем управления в северной и южной части Великой Месопотамии синхронно шло разными путями и привело к формированию здесь двух вариантов социально-экономических и политических структур [3].

Юг. Ранняя модель организации общества в Южной Месопотамии была основана на феномене города как самодостаточной хозяйственной, административной и политической единице. Города, которые появились на самом юге аллювиальной долины Тигра и Евфрата в конце IV тыс. до н. э., возникали здесь как оптимальная форма организации хозяйственной жизни населения региона с весьма своеобразными экологическими условиями. В конце IV тыс. до н. э. население юга аллювиальной долины составляло предположительно от 100 до 250 тысяч жителей, а население всей Южной Месопотамии, по самым приблизительным подсчетам, могло достигать полумиллиона человек [4, р. 251]. До 80 % населения Южной Месопотамии того времени жили в городских центрах площадью 40 га и более, менее 10 % — в поселениях площадью меньше 10 га.

В конце IV — начале III тыс. до н. э. вся Южная Месопотамия представляла собой единый культурно-хозяйственный регион, население которого объединяли общий язык и тесные хозяйственные связи, общие религиозные представления и культовые обязательства. Здесь существовало, вероятно, несколько десятков крупных городских систем, каждая из которых имела свои локальные особенности, возникшие в связи с разнообразными экологическими условиями в различных частях аллювия. В течение многих столетий города поддерживали между собой тесные хозяйственные связи, обмениваясь излишками продуктов и трудовыми ресурсами, периодически объединяясь для защиты от внешней угрозы (Союз городов). Это не исключало соперничества и военных конфликтов между городами, которые особенно усилились во второй половине III тыс. до н. э. [5].

Каждый город, будучи административным и культовым центром окружавшей его территории, составлял вместе с ней единую хозяйственную систему, объединявшую в своих рамках некоторое количество населения и соответствующее количество производственных ресурсов, в том числе культурных сельскохозяйственных земель, пастбищ и рыбных угодий. Базовыми элементами экономики города были крупные хозяйства, административно организованные и управляемые, каждое из которых представляло своего рода уменьшенную модель городской системы.

Политическая структура городского общества соответствовала его хозяйственному устройству. Городской социум состоял из отдельных более или менее

равных по своему статусу групп, каждая из которых не только занимала свою часть городского пространства, но и имела свое представительство в городской бюрократической системе. Можно предположить, что членство в группе было связано с принадлежностью к персоналу определенного крупного хозяйства. Во главе города стоял правитель, который, во всяком случае теоретически, должен был избираться горожанами (или представителями городских групп) на определенный срок. Городская элита, состоявшая, вероятно, из лидеров отдельных групп (администрации крупных хозяйств), формировалась как элита культово-административная.

Городская элита во главе с правителем управляла всеми активами (имуществом) города, аккумулировала богатства в форме сырьевых продуктов (зерно, шерсть, рыба, финики), а потом часть их распределяла среди населения в форме компенсации/вознаграждения за труд, а остальное использовала на общегородские нужды (строительные и ирригационные проекты, обмен и т. п.). Таким образом, все привилегии городской элиты были тесно связаны со стабильным функционированием данной социально-экономической модели.

Такая модель устройства хозяйства и социума, возникшая в IV тыс. до н.э. на самом юге аллювия и распространившаяся в начале III тыс. до н.э. по всей территории Южной Месопотамии, оказала огромное влияние на развитие всей Месопотамии и многих соседних регионов Ближнего Востока. Она продемонстрировала невероятную жизнеспособность, просуществовав (с небольшими изменениями) почти две тысячи лет, с середины IV по середину II тыс. до н.э. Во многом ее исключительная успешность определялась удачной адаптацией к своеобразным условиям окружающей среды Южной Месопотамии (прежде всего южной части этого региона, где она и возникла). Однако именно этот фактор (исключительная адаптированность модели к местным условиям) одновременно и ограничивал возможности ее трансформации и развития, приспособления к постепенно меняющейся экологии и внешнеполитическим запросам. Все идеологические, социальные и хозяйственные институты в рамках такой модели составляли неразделимое единство и не имели реальных возможностей для существенного изменения и развития.

Север. Север никогда не был так плотно заселен, как юг. Здесь были большие пространства пригодной для сельского хозяйства естественно орошаемой земли. Основная масса населения жила в сельской местности в небольших поселениях, далеко разбросанных друг от друга. Базовой хозяйственной единицей севера было индивидуальное хозяйство отдельной семьи, входившее составной частью в хозяйство родовой общины, в свою очередь являвшейся составной частью общего хозяйства крупной родственной группы (племени). Патриархальная семья и принцип семейного наследования (имущества, социального статуса и т. п.) были определяющими элементами общественной структуры севера. Принадлежность к тому или иному племени, роду, семье лежала в основе сильной социальной стратификации, очень рано сформировавшейся в обществе. Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем. Именно эта группа контролировала большую часть материальных и людских ресурсов.

Городов было значительно меньше, чем на юге, и они выполняли другую функцию, являясь местом пребывания родовой олигархии и царя, откуда власть осуществляла свой контроль над обществом. Самые крупные города (Тель-Брак, Ниневия, Хава, Самсат, Хамукар и др.), зачастую не уступавшие по своим размерам

городам Южной Месопотамии, возникали здесь в стратегически важных точках древнего торгового пути, соединявшего юго-восток и северо-запад Передней Азии. Между этими городами шло постоянное соперничество за лидерство в торговле, периодически переходившее в военные конфликты.

Элита, населявшая эти города, мало вмешивалась в базовую систему производства основного населения, ограничиваясь главным образом сбором налогов. В то же время она играла очень важную роль в охране торговых путей и в снабжении городских ремесленников. Производство ремесленных изделий и торговля ими, так же как и посредническая торговля предметами роскоши и металлами, составляла основу материального благополучия и формировала богатство элиты, резко отличавшее ее от основной массы населения. Именно способность обеспечить доступ к редким материалам и защитить свои позиции в посреднической торговле от соперников извне во многом формировала политическую роль элиты.

Политические институты Севера, в значительной мере привязанные к «воинской» идеологии, очень рано приняли централизованную форму. Предполагается, что сильная, авторитарная политическая структура объединяла всю территорию Верхней Месопотамии от Эблы до Киша уже в начале III тыс. до н.э. [1; 2]. Таким образом, две культурно-хозяйственные группы, одна из которых (шумеры) занимала территорию Южной Месопотамии, а представители другой (семиты) жили в Северной и Центральной Месопотамии и Северной Сирии, помимо множества региональных различий в каждой из них, сильно различались и в отношении сформировавшихся в них вариантов управляющих структур. Это не мешало населению этих двух соседних регионов поддерживать постоянные контакты и свободно мигрировать из одного региона в другой. В последней четверти IV тыс. до н.э. большие группы жителей самого юга Шумера переселялись далеко за пределы Южной Месопотамии, в том числе и на территорию Северной Месопотамии и Северной Сирии, и даже основали там несколько новых городов (Хабуба Кабира-юг, Джебель Аруда).

В первой половине III тыс. до н.э. семитское население Центральной Месопотамии активно распространялось на юг, так что уже в XXVI в. до н.э. большая часть писцов, которые составляли клинописные документы в Абу Салабихе, городе, располагавшемся на границе северной и южной частей аллювия, носила семитские имена [6]. К середине III тыс. до н.э. население Южной Месопотамии говорило, скорее всего, на двух языках: шумерском (территория южнее Ниппура) и ранне-семитском (к северу от Ниппура). Этот процесс взаимодействия двух культурно-хозяйственных групп шел, вероятно, вполне мирно и затрагивал самые разные сферы культурной и хозяйственной жизни.

При этом на протяжении почти 2000 лет периода ранней древности (середина IV — середина II тыс. до н.э.) неоднократно предпринимались попытки включить территорию Южной Месопотамии с ее десятками городских систем в рамки централизованного государства с наследственной царской властью. Первые две такие попытки (Аккадское государство и государство 3-ей династии Ура) закончились крушением и распадом единой государственной системы и возвращением городов к первоначальному автономному существованию. Третья попытка такого рода (вавилонское государство Хаммурапи) закончилась тем, что ранняя модель города была фактически уничтожена и окончательно сошла с исторической арены,

после чего появилась возможность создать стабильную централизованную государственную систему (Касситское государство), которая постепенно распространила свою власть на всю территорию Южной Месопотамии.

1. Города Южной Месопотамии в рамках Аккадского государства

Около 2316 г. до н.э. аккадский царь Саргон завоевал Южную Месопотамию и основал династию, которая правила здесь более ста лет [7]. В нескольких кратких надписях Саргона, сохранившихся в поздних копиях, дается общее описание его деяний, в том числе и завоевания юга [8]. В ходе этой военной кампании аккадскому войску противостояла коалиция южномесопотамских городов во главе с правителем города Уммы Лугальзагеси. Как следует из надписей, Саргон одержал победу в 34 битвах против городов юга, его воины взяли в плен 50 правителей (*ensí*) городов, в том числе царей (*lugal*) Урука и Ура и правителей Лагаша и Уммы. Стены всех завоеванных городов «вплоть до берега моря» были разрушены, и была получена дань от Урука, Ура и Уммы. В своих надписях Саргон упоминает и о завоевании северо-западных территорий («Верхняя страна, Мари, Ярмути и Эбла до Кедрового леса и Серебряных гор»). Судя по этим надписям, территория, которая была объединена под властью царя Аккада, простиралась от города Эриду на юге до города Хиза на среднем Тигре на севере и от города Казаллу на западе до города Дер на востоке³.

Большинство сохранившихся надписей Саргона посвящено описанию его военных побед. В них нет почти никаких сведений о том, как развивались отношения царя с южномесопотамскими городами после завоеваний. По словам Саргона, от имени которого составлялись эти надписи, на всей подконтрольной ему территории «от Нижнего моря до Верхнего» правителями городов были назначены жители Аккада, и на города были возложены обязательства по постоянной выплате дани. Вновь созданные властные структуры старались, по-видимому, установить контроль над хозяйственной деятельностью городов и координировать эту деятельность таким образом, чтобы направить значительную часть производимых в них материальных ресурсов в центр. Столица государства, город Аккад⁴, располагавшийся недалеко от Киша на географической границе Центральной и Южной Месопотамии, была превращена в главный морской порт страны, для чего были прорыты дополнительные каналы к Евфрату. Торговые корабли, приплывавшие по Персидскому заливу в Южную Месопотамию из Магана, Мелуххи и Дильмуна, стали направляться не в Ур и Лагаш, которые были до этого главными портовыми городами юга, а к пристани города Аккада. Через Персидский залив в Месопота-

³ Нет единого мнения по поводу того, была ли территория, которую исходя из этих текстов включают в состав государства Саргона, под его полным контролем или им контролировались только проходившие по ней важнейшие торговые пути, по которым передвигались стратегические ресурсы. «Аккадское присутствие» или «влияние» на этих территориях очень скудно отражено археологическими данными, и если бы не сведения, содержащиеся в аккадских царских надписях, трудно было бы представить, что аккадская армия осуществляла здесь широкомасштабные военные действия и длительное время эти регионы были частью Аккадского государства.

⁴ Точное местоположение столицы Аккадского государства остается неизвестным. Возможно, город располагался на берегу Тигра севернее Диялы, но южнее Ашшура [9, p. 32].

мию поступали почти все жизненно необходимые материалы: медь, олово, серебро, драгоценные камни, ценная древесина.

Разрозненные данные о политической истории ста с лишним лет аккадского периода, ход которой реконструируется почти исключительно на основании сохранившихся царских надписей, создают впечатление постоянных конфликтов между центральной властью и городами Южной Месопотамии. Города периодически отказывались подчиняться центральной администрации и выбирали своих правителей. Такие выступления жестоко подавлялись, но как только центральная власть ослабевала, юг вновь возвращался к традиционной модели социально-экономического устройства, т. е. к модели автономных городских систем.

Восстания городов при аккадских царях. Наиболее значительные восстания городов против власти аккадского центра, о которых сохранились достаточно определенные сведения, происходили, по-видимому, в конце правления Саргона (2334–2279) или в начале правления его сына Римуша (2278–2270) и в конце правления внука Саргона Нарам-Сина (2254–2218), т. е. были разделены временным промежутком примерно в 50–60 лет.

Первое крупное восстание, о котором сохранились сведения, произошло примерно через 30 лет после завоевания Саргоном Южной Месопотамии. Жители южных городов воспользовались, вероятно, самым удобным моментом для мятежа: сменой правящего царя. В самом конце правления Саргона, когда старый царь, вероятно, уже отошел от власти, многие южномесопотамские города отказались подчиняться центральной власти. Сопротивление Аккаду возглавлял, по-видимому, город Ур. В это время там правил некий человек по имени Каку, называвший себя в своих надписях царем (*lugal*) Ура, что было равнозначно заявлению о своей независимости от центральной власти. Насколько этот титул соответствовал реальной ситуации и были ли правители (*ensí*) других южных городов в союзе с ним или под его контролем, неизвестно. Скорее всего, ряд южных городов — Ур, Умма, Адаб, КА, АН, Забала, Лагаш — просто отказались сотрудничать с центром и выплачивать ему значительную часть своих материальных ресурсов. Выступление против центра инициировала, вероятно, прежде всего старая городская элита, которую Саргон постарался оттеснить от власти и источников материальных ресурсов. Однако, судя по ожесточенности, проявленной при подавлении восстания, и тем огромным потерям, которые понесли мятежники, в восстании участвовало практически все городское население юга.

Сын Саргона Римуш, вступив на престол после смерти отца, сразу же отправился с войском на юг, чтобы подавить восстание. В отличие от ситуации, с которой столкнулся Саргон при завоевании юга, когда ему пришлось бороться с единой коалицией южномесопотамских городов во главе с Лугальзагеси, теперь между городами Южной Месопотамии не было, по-видимому, достаточного взаимодействия. Каждый город действовал как отдельная независимая структура и также, вероятно, воспринимался Римушем, судя по его надписям.

Реальную картину событий, особенно того, что касается действий восставшей стороны, восстановить невозможно. В надписях Римуша в обычном для царских надписей того времени лапидарном стиле описывается только подавление восстания. В них последовательно повторяется один и тот же сюжет, меняется только название города: город GN восстал, Римуш победил его, убил и взял в плен столько-то

человек, пленил лидеров мятежа и разрушил стены восставшего города. Ход военных действий по этим надписям можно реконструировать следующим образом. Римуш со своим войском, двигаясь с севера на юг, подходил к одному из мятежных городов. Здесь в окрестностях города между аккадскими воинами и городским ополчением, которым руководил правитель города, происходила битва, в ходе которой ополчение терпело сокрушительное поражение. Одержав победу, войско Римуша входило в город, разрушало его стены и оборонительные сооружения и увозило в плен часть городского населения (что с ними происходило дальше, неясно, либо они направлялись на принудительные работы, либо их казнили)⁵. Затем аккадское войско двигалось далее к следующему мятежному городу.

Таким образом, захватывая один город за другим, войско Римуша победоносно дошло от города Аккада до Персидского залива, а на обратном пути еще захватило и разрушило город Казаллу, располагавшийся в северо-западной части Южной Месопотамии. В ходе этой кампании были разбиты ополчения не менее чем семи крупнейших городов региона, разрушены их городские стены и укрепления, убито и взято в плен более 90 000 человек. Часть населения завоеванных городов, возможно, направлялась на принудительные работы на государственных строительных проектах либо была казнена. В числе пленных были правители мятежных городов, стоявшие, вероятно, во главе своего ополчения. Все имена этих правителей и их высших советников, которые упоминаются в надписях Римуша, в том числе имя энси города Адаба Мескигала, занимавшего эту должность еще до Саргона при Лугальзагеси, шумерские, кроме имени энси города Казаллу. Он носил семитское имя Ашарид.

В надписях, составленных от имени Римуша, приводятся точные цифры убитых и плененных воинов. Трудно сказать, насколько можно доверять этим сведениям. В одной из надписей впервые появляется фраза, которая позднее часто встречается в надписях Нарам-Сина: «Богом Шамашем и богом Илабой клянусь, (это) не ложь, (это) воистину правда!» [8, р. 4]. Лагаш и Ур потеряли, по данным надписи Римуша, более 19 485 жителей (было убито 8040, взято в плен 5460 воинов и выведено из городов 5985 городских жителей). Общее население этих двух больших городов могло в это время достигать 200 000 человек, из них 60 000 были, вероятно, мужчинами, способными служить в войске. Царь Ура и правитель Лагаша были взяты в плен, а стены их городов разрушены⁶.

⁵ Люди, выведенные из города, обозначены в надписи Римуша как те, кого он «обрек на гибель» (*ana karāšim iškun*). Возможно, в надписях Римуша эта формула в отношении врагов, выведенных из восставших городов, употреблялась в метафорическом смысле [10, р. 196]. «Погибшими» считались не только те, кого он убил и взял в плен, но и те, кого он изгнал из города, поскольку, насильственно выведенные завоевателем из своего города, они теряли статус члена городской общины (одно из самых страшных наказаний для жителя города, которое упоминается в царских надписях и законодательных памятниках, — это изгнание из города).

⁶ Изобразительные памятники аккадского времени сохранили некоторые следы этих событий. Один из таких памятников представляет собой несколько фрагментов каменной стелы из Лагаша, вероятно, времени Римуша, с рельефом, изображающим аккадских воинов, расправляющихся с пленными, скорее всего южанами. На той части рельефа, которая сохранилась лучше всего, изображены два воина. Один из них прицелился в пленного из лука, а второй держит другого пленника за бороду и заносит меч над его головой. Надпись рядом с изображением сообщает о распределении огромных земельных массивов в провинции Лагаш между несколькими лицами, вероятно, представителями новой царской администрации, в том числе военной. Такое перераспределение сель-

Восстание городов, так же как и действия по подавлению этого выступления, безусловно, не несли никакой этнической окраски. Задачей власти было подавить сопротивление, кто бы его ни оказывал. Многие города северной части Южной Месопотамии, также принимавшие участие в восстании, имели к этому времени значительное аккадское население. Так, страшное наказание понес город Казаллу, который располагался значительно севернее Ниппура и был по своему населению в основном аккадским. Старейшины города Казаллу, вероятно, решив, что войско Римуша после сражений на юге ослабело, тоже попытались отделиться от Аккада, но Римуш подавил мятеж. При этом было убито 12 052 и взято в плен 5862 жителей Казаллу, в том числе в плен попал и Ашарид, энси Казаллу. После этого царь приказал полностью разрушить город [8, р. 48]. В результате этих военных действий города Южной Месопотамии могли потерять до одной трети своего взрослого мужского населения. После таких потерь нечего было и думать о возобновлении вооруженного сопротивления, и действительно, прошло не менее 50 лет, прежде чем города предприняли новую попытку освободиться от аккадского контроля.

Римуш погиб после восьми лет правления, по-видимому, в результате дворцового заговора. Наследовавший престол его брат Маништусу правил около шести лет. Документов этого времени сохранилось очень мало, во всяком случае, этому царю не пришлось подавлять какие-либо выступления городов.

Внук Саргона Нарам-Син (2254–2218), сменивший Маништусу, вступив на престол, по-видимому, слабо контролировал не только самый юг региона, но и северную часть Южной Месопотамии, в том числе и территорию города Киш. Возможно, в начале своего правления он заключил с Кишем договор о братстве (*ahūtum*). В отличие от своих предшественников, Нарам-Син в своих надписях не использовал титул «царь Киша», который традиционно декларировал власть над всей Южной Месопотамией. Вместо этого помимо титула «царь Аккада» он принял новый до этого неизвестный титул «царь четырех стран света». Последнее могло быть связано со стремлением поддерживать постоянный контроль над межрегиональными торговыми путями, которые проходили через город Аккад⁷. Главные города юга были связаны с центром определенными обязательствами или договорами и, выполняя условия этих договоров, могли существовать относительно самостоятельно⁸. При этом у центральной власти отсутствовали какие-либо серьезные рычаги, помимо военных, для воздействия на южные города с их традиционным хозяйственным и социальным укладом.

скохозяйственных земель (точнее, управления ими и получения с них доходов), учитывая характер изображения, было, по-видимому, связано с победой аккадцев над мятежными городами [11, s. 42, no. 132].

⁷ В литературном тексте, созданном, вероятно, в конце III тыс. до н.э., который условно называется «Падение Аккада», дано описание начала царствования Нарам-Сина. Аккад изображен в тексте процветающим торговым городом. Сюда привозят разнообразные товары со всех четырех сторон света: из Элама — на востоке, Субарту — на севере, Марду и Мелуххи — на западе и Шумера — на юге. Нарам-Син, по-видимому, был очень заинтересован в сохранении и поддержании мира на торговых путях вдоль Евфрата и Тигра [12, р. 50 ff].

⁸ Упоминания о такого рода договорах между городами дошли еще от времени правителя Энметены из Лагаша (XXV в. до н.э.), который заключил знаменитый договор о «братстве» с правителем Урука Лугалькинишедуду и отметил его строительством или реставрацией храма богов Инанны и Думузи в городе Бад-Тибера [13, р. 58].

В отдельные моменты правления Нарам-Сина города юга чувствовали себя, по-видимому, настолько независимыми от центра, что заключали союзы друг с другом, боролись за лидерство между собой, а правителей отдельных городов даже называли царями. Сведения на этот счет весьма скудные, но вполне однозначные. Вероятно, вскоре после смерти Маништусу своего царя избрал город Киш, тем самым фактически провозгласив свою независимость от Аккада. Представители Киша и двух соседних с ним городов, Урума и Тиви, собрались на границе трех городских территорий и избрали на царство одного из знатных горожан Киша по имени Ипхур-Киши. В тексте он назван «человек (*awilum*) Киша, сын Цуммират-Иштар, жрицы-плакальщицы» [14, р. 7].

В Уруке провозгласил себя царем некий Амар-гирид, а в Уре правил человек по имени Лугаль-анне, который принял титул «царь (*lugal*) Ура». Он даже приезжал с визитом к царю города Киша Ипхур-Киши и, вероятно, пытался договориться с ним о союзе против Аккада [14]. По-видимому, тот же Лугаль-Анне изгнал Энхедуанну, дочь Саргона, из Ура с должности главной жрицы в храме бога Нанны, на которую ее некогда назначил сам Саргон.

Со временем города юга стали тяготиться условиями договоров с аккадским центром и попытались вновь отказаться от них⁹. Эти действия послужили, вероятно, началом самого серьезного политического кризиса времени правления царя Нарам-Сина, который условно называют «Великим восстанием»¹⁰. Важным стимулом для выступления являлось, вероятно, и стремление городов вернуть свои позиции в морской торговле с Заливом.

На этот раз для борьбы с Аккадом города Южной Месопотамии объединились в две коалиции: северную во главе с Ипхур-Киши, царем Киша, в которую, помимо Киша, вошли города северной части Южной Месопотамии, такие как Кута, Дильбат, Лагаба (?), Сиппар, Казаллу, Гиритаб, Апиак и Эреш, и южную во главе с неким Амар-гиридом, который в это время был царем Урука. В нее вошли города южной и центральной части Южной Месопотамии: Урук, Ур, Лагаш, Умма, Адаб, Шуруппак, Исин и Ниппур [11, р. 52]. Ни один большой город Южной Месопотамии не остался лояльным Нарам-Сину. В коалицию вошел даже Ниппур, который при Римуше сохранял верность Аккаду. Угроза со стороны восставших была настолько велика, что вокруг столицы (города Аккада) были срочно построены новые мощные стены. В своих надписях Нарам-Син неоднократно упоминает время, когда «4 стороны света разом поднялись на него, и он совершил 9 победоносных военных кампаний за один год» [8, р. 84 ff.].

Два союза, объединявшие города юга и севера Южной Месопотамии, не смогли, вероятно, достигнуть договоренности о совместных действиях, поэтому Нарам-Сину, правда, не сразу, но все-таки удалось разбить обе коалиции поодиночке. Выступив сначала против союза северных городов, Нарам-Син дважды разгромил войско Ипхур-Киши и захватил город Киш. Он наложил наказание на город,

⁹ Термин *nabalkattum*, которым в надписях Нарам-Сина обозначаются мятежные действия южномесопотамских городов, имеет значение не только восстания, но и разрыва договора между равными сторонами.

¹⁰ Краткие и весьма фрагментированные упоминания об этих событиях сохранились на нескольких старовавилонских табличках, являющихся копиями каких-то более ранних надписей [9, р. 223 ff.].

казнил 2525 человек, приказал бросить пленников в Евфрат и отвернуть течение реки от города. После этого Нарам-Син обрушился на южную коалицию, но здесь победа досталась ему труднее. Как описывает сам Нарам-Син в своей надписи, он сражался с Амар-гиридом, «царем Урука», семь раз, прежде чем окончательно победил его и взял в плен¹¹.

В надписях Нарам-Сина, посвященных описанию событий Великого восстания, после каждого сообщения о победе и захвате очередного города перечисляются имена и должности правителей и военачальников, взятых в плен аккадским войском, и общее количество побежденных воинов, а в конце надписи подводится общий итог. Судя по этим цифрам, всего в ходе победоносной кампании в плен к Нарам-Сину, помимо трех царей (Амар-гирида, Ипхур-Киши и Лугаль-анне?), попали 13 высших военачальников, 23 правителя городов, 1212 военачальников среднего звена и 137 400 воинов.

В какое именно время правления Нарам-Сина происходили эти события, точно неизвестно, скорее всего, в самом конце¹². Вероятно, уже после этих событий Нарам-Син был обожествлен, и в Аккаде построили храм, посвященный ему, а в текстах перед его именем стали ставить детерминатив бога. Обожествление царя Нарам-Сина следующим образом описывается в одной из его надписей: «Нарам-Син, великий царь Аккада, когда 4 стороны света восстали против него, любовью богини Иштар победил в 9 битвах в один год и взял царей, которые восстали против него, в плен. Поскольку он спас свой город от опасности, (жители) его города обратились с просьбой к богине Иштар в Эанне (Уруке), богу Энлилю в Ниппуре, Дагану в Туттуле, Нинхурсаг в Кеш, Эа в Эриду, Сину в Уре, Шамашу в Сиппаре и Нергалу в Куте с тем, чтобы он (Нарам-Син) был (сделан) богом их города (т. е. Аккада). Они (жители города) построили в Аккаде храм ему» [8, р. 113 ff]. Другими словами, инициаторами обожествления выступили благодарные жители города Аккада, но для осуществления этой инициативы требовалось, по-видимому, одобрение (хотя бы и формальное) жителей всех главных городов Южной Месопотамии.

С идеологической точки зрения победа Нарам-Сина означала, что бог Энлиль, божественный владелец территории и населения Южной Месопотамии, подтвердил право Нарам-Сина управлять его владениями. На практике эта победа была скорее новым завоеванием юга, а не подавлением восстания. После завоевания юга Нарам-Син предпринял, по-видимому, определенные шаги, чтобы наладить отношения с городами Южной Месопотамии и укрепить свой контроль над ними. Свою дочь Тута-напшум он назначил главной жрицей в храм бога Энлиля в Ниппуре, главным культовым центре Южной Месопотамии. Кроме того, он, по-видимому, освободил жителей Ниппура от задолженностей по повинностям и начал здесь грандиозный проект по реконструкции главного храмового комплекса бога Энлиля (Экур). Однако закончить проект смог только его сын и наследник Шар-кали-шарри. Несмотря на одержанные победы, к концу своего правления Нарам-Син, возможно, вновь потерял контроль над значительной частью терри-

¹¹ В тексте царской надписи, повествующей об этих сражениях, к сожалению, отсутствует более 300 строк, которые, вероятно, содержали описание первых пяти сражений.

¹² В одной из поздних хроник сообщается, правда, относительно Саргона, но есть предположение, что это касается именно Нарам-Сина: «В его старости все земли восстали против него и заперли его в его городе Аккаде, но он встал и поразил их» [15, р. 270–271; 11, р. 53].

тории Южной Месопотамии, а с востока его теснили кутии и другие горные народы Загроса.

Сын и преемник Нарам-Сина Шар-кали-шарри в своих надписях не называл себя «царем 4 стран света», но принял титул «царь Киша». Для поддержания мира в стране в год своего вступления на престол он совершил церемониальное путешествие по городам Южной Месопотамии и короновался в Ниппуре. При нем не было никаких выступлений городов, что можно объяснить не столько силой центральной власти, сколько ее слабостью. Шар-кали-шарри был, вероятно, просто не в силах удержать в своих руках ту территорию, которую контролировал его отец. Судя по немногим сохранившимся от времени его правления датировочным формулам и надписям, царь периодически выигрывал военные сражения. Однако, хотя врагами его были чужеземцы (амореи, кутии, эламиты), эти победоносные битвы происходили почему-то поблизости от центра государства. В это же время города юга аллювия, по-видимому, окончательно вернулись к местному правлению. Не особенно оглядываясь на центральную власть, они конфликтовали друг с другом (Ур и Лагаш), в некоторых случаях правители городов даже принимали царский титул (Лагаш), т. е. провозглашали свою независимость от центра и контроль над значительной территорией. Своим наследникам Шар-кали-шарри оставил небольшое государство с центром на слиянии Диялы и Тигра. После его смерти здесь правили еще четыре царя, пока в середине XXII в. до н. э. Аккад не завоевал эламский царь Кутик-Иншушинак, который вскоре был изгнан оттуда правителем Ура Ур-Намму.

Царям Аккада так и не удалось ассимилировать две разные системы организации общества и создать достаточно четкую и жизнеспособную систему централизованного управления всей подконтрольной им территории. В годы правления этой династии города Южной Месопотамии неоднократно восставали против центра. В ходе подавления аккадским войском этих выступлений погибла, вероятно, значительная часть городского населения юга и старой местной правящей элиты. При этом городская хозяйственная система в основных своих чертах оставалась, по-видимому, прежней, как оптимальная для данной территории. Рано или поздно цари уходили, а города оставались и продолжали обходиться своими силами, если только течение их жизни не прерывалось какими-либо природными или внешними катастрофами.

2. Города Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э.

В конце III тыс. до н. э. территория Южной Месопотамии вновь, как и при аккадских царях, была объединена в рамках единой политической и хозяйственной структуры под властью высокоцентрализованной системы управления. На этот раз в роли объединителя выступила местная династия, правившая в одном из древнейших городов Южной Месопотамии, городе Уре (так называемая третья династия Ура). Цари этой династии носили титул «царя Шумера и Аккада», т. е. претендовали на власть над всей Южной Месопотамией и рассматривали себя продолжателями древних традиций управления и организации общества, существовавших здесь еще во времена Гильгамеша (XXVIII в. до н. э.), которого они позиционировали как одного из своих предков. Подвластная царям третьей династии Ура территория

Южной Месопотамии рассматривалась как имение верховного бога государства — бога Энлиля, и цари Ура, будучи посредниками между богами и населением, управляли этим «имением» по поручению и от имени бога Энлиля и других богов месопотамского пантеона. В масштабе всей страны цари Ура играли в принципе ту же роль, что и правители отдельных южномесопотамских городов предшествовавшего периода, которые управляли своей городской системой от имени главных городских богов.

Притом что конец III тыс. в Южной Месопотамии часто характеризуют как период исключительной централизации в сфере экономики и управления, реальная ситуация была гораздо менее однозначной. Традиционные местные сети социальной власти, основанные на длительных семейных и хозяйственных связях, сохранялись в городах практически неизменными. В компетенции местной городской власти оставались процессы производства и управления локальными ресурсами, а центр направлял свои основные усилия на создание плотной сети контроля над сбором этих ресурсов и перераспределением значительной их части не только в пользу самого центра, но и между регионами. На практике центр таким образом создавал и поддерживал систему перераспределения ресурсов по всей территории Южной Месопотамии в отсутствие развитого внутреннего рынка. Такого рода система не была нововведением урской династии. В значительной степени в ней сохранялись черты межгородской организации страховых и церемониальных сборов (*bala*), которая действовала в Южной Месопотамии еще в конце IV тыс. до н. э. Однако масштабы и уровень централизации в конце III тыс. до н. э. были, конечно, совсем другими.

В надписях царей Ура нет прямых упоминаний о разногласиях городов и провинций с центральной властью, в отличие от таких же текстов предшествовавшего периода, которые полны описаний конфликтов аккадских царей с городами Южной Месопотамии. В правление третьей династии Ура городские системы Южной Месопотамии существовали примерно в том же хозяйственном и идеологическом поле, что и в первой половине III тыс. до н. э., до аккадского завоевания. Однако происходившая уже тогда борьба за лидерство внутри городских элит и между элитами отдельных городов никуда не исчезла. Косвенные данные указывают на беспорядки, сопровождавшие вступление на трон царей Шульги и Амар-Сина. В какие-то моменты борьба внутри городской элиты и между интересами местной элиты и центра обострялась настолько, что дело могло дойти до казни городского правителя и конфискации его имущества, тем не менее никаких массовых выступлений горожан в это время не засвидетельствовано. Когда на рубеже III и II тыс. до н. э. сложные внутренние проблемы, а также сильное давление соседей с востока и запада привели к распаду государства, созданного правителями Ура, Южная Месопотамия вновь вернулась к прежнему состоянию автономных городских систем.

3. Города Южной Месопотамии в начале II тыс. до н. э.

В течение примерно 100–150 лет после падения государства Ур III на территории Южной Месопотамии, как и тысячу лет тому назад, в начале III тыс. до н. э. существовало несколько десятков относительно независимых городских систем,

Рис. Города Южной Месопотамии в конце III — начале II тыс. до н.э.

а жизнь городского населения проходила в рамках традиционных аспектов социума и экономики. По-прежнему продолжалась борьба внутри городских элит за лидерство и соперничество между городами, однако внешняя обстановка к этому времени кардинально изменилась. Среди этих изменений можно отметить два основных фактора: экологию и миграцию.

Экология. В течение всего исторического периода две великие реки Месопотамии, Тигр и Евфрат, вокруг которых формировалась и поддерживалась жизнь населения, периодически меняли свое русло. В III тыс. до н.э. происходило постепенное перемещение русла Евфрата на запад и движение русла Тигра на восток [4, р. 14–19]. Эти процессы особенно усилились в начале II тыс. до н.э. в связи с общими климатическими изменениями в регионе Ближнего Востока. Больше всего они затронули жителей самого юга аллювия, той территории, где в IV тыс. до н.э. формировались первые города. Именно в южной части аллювия, представлявшей собой совершенно плоскую и понижающуюся в сторону Персидского залива равнину, перемещение русел рек было наиболее заметным и имело самые серьезные последствия, все более негативно отражаясь на хозяйственной деятельности населения. Уже со второй половины XVIII в. до н.э. отдельные группы городского населения начали покидать эту территорию, перемещаясь в более комфортную для жизни северную часть Южной Месопотамии. Подтолкнули процессы переселения и политические события того времени.

Миграции. С изменениями в экологии во многом было связано и усиление миграции на территорию Южной Месопотамии западносемитских (аморейских)

групп, которые издавна жили на севере и северо-западе¹³. Первоначально это было преимущественно сельское население, представители которого охотно нанимались на службу горожанами, проводниками торговых караванов и воинами. К началу II тыс. до н. э. амореи составляли уже весьма значительную часть сельского и некоторое количество городского населения Южной Месопотамии¹⁴. Со временем (этот процесс продолжался примерно 100–150 лет) либо мирным путем (династические браки), либо военным в ряде крупных городов Месопотамии к власти пришли аморейские династии, которые боролись за лидерство в Месопотамии следующие 250 лет. Под управлением этих новых династий некоторые древние города возвысились до уровня политической столицы территории (Исин, Эшнунна, Ларса), политическими столицами стали также и некоторые ранее малоизвестные города (Вавилон), правда, большинство удержалось в такой роли совсем недолго. В первой половине II тыс. до н. э. западносемитская этнокультурная группа, амореи, была доминирующей политической силой на всей территории Великой Месопотамии и значительной части соседних регионов¹⁵.

Борьба за лидерство между династиями и попытки объединения под своей властью всей территории Южной Месопотамии в этот период предпринимались неоднократно. Наиболее успешным в этом отношении оказался Хаммурапи (1792–1750), шестой представитель самой известной из аморейских династий Месопотамии — первой вавилонской династии. В ходе многолетних военных действий ему удалось завоевать и объединить под своей властью всю Южную Месопотамию и часть Северной. Однако это объединение было недолговечным. В границах, установленных Хаммурапи, оно просуществовало менее 20 лет. Распад вавилонского

¹³ Уже в IV тыс. до н. э. представители семитоязычного населения Северной и Северо-Западной Сирии заселяли значительную часть Центральной Месопотамии и постепенно распространялись далее на восток, переправляясь через Тигр в районе Диялы. Впоследствии отдельные группы, говорившие на восточносемитском диалекте, стали продвигаться на север и юг Месопотамии. Среди них, вероятно, были и предки будущих аккадцев. Другие группы (в основном, вероятно, носители западносемитского диалекта), переправляясь через Тигр, осваивали восточные окраины Южной Месопотамии, постепенно спускаясь вдоль восточных границ аллювия все дальше на юг, в поисках новых территорий, которые давали бы возможность продолжать традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности. Во второй половине III тыс. до н. э. почти весь северо-запад Месопотамии был, вероятно, плотно заселен носителями западносемитских диалектов, которых в Южной Месопотамии называли амореями. Продвижение этих групп еще более усилилось в конце III тыс. до н. э., когда природные катастрофы, в том числе засухи, значительно уменьшили площади пастбищ и земель, пригодных для земледелия. В последней четверти III тыс. до н. э. амореи занимали, вероятно, не только окраины аллювия, но в некоторых местах (особенно на востоке и юго-востоке региона), по-видимому, постоянно жили уже и на территориях рядом с городами.

¹⁴ Термин «амореи» (шум. *mar.tu*, аккад. *amurru*, букв. «западный») носил описательный характер, являясь, скорее всего, не названием определенной народности или отдельного племени, а общим обозначением населения сиро-аравийских степей и полупустынь, говорившего на западносемитском диалекте, которое было им дано соседями с востока, т. е. из Южной Месопотамии.

¹⁵ В каком-то смысле большая часть территории Ближнего Востока в первые века II тыс. представляла собой единое политическое пространство, отдельными участками которого управляли аморейские династии. Представителей этих династий объединяли не только общность языка и культуры, но и реальные родственные связи (в том числе через династические браки) и память об общем происхождении и общих предках. Они стояли у власти в большинстве крупных городов Сирии и Месопотамии. Эта общность поддерживалась постоянными дипломатическими контактами, перепиской между правителями и периодическими междинастическими браками. Внутри этой группы лидеров была четкая иерархия и шла постоянная борьба за первенство, время от времени переходившая в военные конфликты.

государства фактически начался с восстания городов и вынужденного отказа вавилонского центра от контроля над территорией юга аллювия, той самой, где в IV тыс. до н. э. формировались первые города Южной Месопотамии.

Хаммурапи приложил огромные усилия, стремясь связать завоеванные им территории Месопотамии в единую политическую и хозяйственную систему с управляющим центром в Вавилоне. Особенно много внимания царь уделял обустройству присоединенных территорий юга и центра аллювия с его древнейшими городами (Ниппур, Исин, Ур, Урук, Ларса). В администрацию южных городов были назначены вавилонские чиновники. Составлялись новые земельные кадастры, чтобы уточнить масштабы налогов и повинностей, которые эти города должны были платить центру¹⁶.

Формированию централизованной государственной структуры должно было способствовать и появление обширного сборника законодательных установлений («Законы Хаммурапи»). Каменные стелы с высеченным на них текстом законов были установлены, по-видимому, перед центральными храмами во всех крупных городах Южной Месопотамии. Главной аудиторией, для которой «Законы Хаммурапи» были высечены на камне, была, по-видимому, традиционная городская элита [16]. Фактически законодатель предпринял попытку формализовать существование этой группы как отдельной от всего остального населения города¹⁷. Ее статус, зафиксированный в законах термином «(свободный) человек» (*awilum*), четко отличался от статуса остальных горожан, которые были формализованы как «подданные» (*muškēnum*). Отделив элиту от остального городского населения и признав ее особые права и привилегии, законодатель тем самым окончательно разрушал тот фундамент, на котором сформировалась некогда модель городского устройства в Южной Месопотамии — номинальное равноправие всех представителей городской общины и коллегиальное управление. Такая модель была несовместима с существованием сильного централизованного государства, к созданию которого стремился Хаммурапи.

Законодательная инновация Хаммурапи стояла в одном ряду с другими действиями этого царя, направленными на ограничение возможностей городского самоуправления и переход от номинальной выборности на важнейшие городские

¹⁶ Царь сам вникал во все детали управления южными территориями и распределения служебных наделов. Сохранилось около ста писем, составлявших часть обширной переписки, которую он вел со своими представителями на юге [17, р. XVI].

¹⁷ Взаимодействие с городами и городской элитой было серьезной проблемой для Хаммурапи еще в то время, когда он только начинал процесс объединения Южной Месопотамии. Хорошо известна политика, которую он проводил в ходе этого процесса: заключение союзов с отдельными сильными городами в борьбе с другими городами, а после совместной победы над ними — разгром своих бывших союзников. Сохранились и некоторые документальные свидетельства отношения Хаммурапи к городским элитам.

В одном из писем, посланных Хаммурапи царем города Мари Зимри-Лимом в то время, когда они еще были союзниками, описывается ситуация, сложившаяся в городе Эшнунне, правитель которого погиб в ходе войны с эламитами [18, р. 108]. Зимри-Лим предлагает Хаммурапи взять управление городом на себя, а если жители Эшнунны не согласятся (такой вариант был в тот момент, по-видимому, возможен), то Хаммурапи мог бы предложить им в качестве царя кого-либо из представителей городской элиты Эшнунны, которые содержались в Вавилоне в качестве заложников. Однако из другого письма мы узнаем, что эшнунцы сами выбрали себе царя из числа своих военных командиров. Это произошло в 1765 г. до н. э., а через год Эшнунна была захвачена войсками Хаммурапи и с ее независимостью было покончено.

должности к системе назначений сверху. Однако эту цель невозможно было достигнуть, не уничтожив раннюю модель города. Юг с его древними городами так и не стал равноправной частью Вавилонского государства, оставаясь только источником колоссальных доходов для центра. Вавилон требовал огромных платежей в зерне и серебре, фактически выкачивая большую часть ресурсов из подконтрольных территорий. Особенно это отразилось на богатых городах юга и центра региона, хозяйство которых больше других пострадало от изменений экологической обстановки. Местную городскую элиту, традиционно занимавшую важнейшие административные и культовые должности, заменяли ставленники Вавилона. Все меньше и меньше местных семей и отдельных представителей городской элиты доминировали в хозяйственной и политической сфере городов. Власть и богатство сосредоточивались в руках немногих, лишая значительную часть населения жизненно необходимых связей с городским хозяйством, вынуждая их делать долги, чтобы выжить. В сочетании с продолжавшимся ухудшением условий внешней среды и общим падением урожайности в этом регионе это вело к серьезному понижению уровня жизни городского населения.

Преемник Хаммурапи Самсуилуна (1749–1711) в начале своего правления, вероятно, еще более усилил давление центра на регионы, вызвав широкомасштабное восстание городов, продолжавшееся около пяти лет (1742–1737). Выступление против центра началось в первые месяцы 1742 г. до н.э., когда в ряде городов Южной Месопотамии появились независимые правители, которые называли себя царями. Постепенно восстание расширялось, так что к концу 1742 г. Самсуилуна уже полностью утратил контроль над югом. В начале 1741 г. до н.э. к восставшим присоединились и некоторые города из северной части аллювия, в частности Эшнунна и северо-западный регион со столицей в городе Казаллу, который находился довольно близко от самого Вавилона. При этом независимые правители восставших городов и территорий далеко не всегда могли договориться между собой, что впоследствии во многом помогло вавилонскому царю подавить восстание. В одной из своих надписей Самсуилуна упоминает «26 мятежных царей», которые поддерживали восставших [19, р. 387]. Среди наиболее значительных руководителей восстания в надписях упоминаются Рим-Син (II), царь Ларсы¹⁸, Рим-Анум, царь Урука и Илуни, царь Эшнунны. Общее изложение событий этих лет с точки зрения вавилонского царя сохранилось в надписи Самсуилуны от 1732 г. до н.э.: «В течение одного года весь Шумер и Аккад, которые стали враждебными ко мне, я победил своим оружием в 8 битвах. Я обратил города моих врагов в груды камней и руин. Я вырвал корни врагов и злодеев из страны. Воистину я заставил всю страну подчиниться моим приказам» [19, р. 376–377].

Самсуилуна в своей надписи говорит о полной победе над восставшими, которую он якобы одержал всего через несколько месяцев после начала восстания (т.е. в первой половине 1742 г.), и о казни их лидеров, однако на самом деле конфликт не был погашен так быстро. Военные действия против мятежников и ликвидация

¹⁸ Этим же именем, Рим-Син, звали последнего правителя независимой Ларсы, который был побежден и взят в плен Хаммурапи в 1763 г. до н.э. Неизвестно, кем был человек, ставший одним из лидеров восстания в 1742 г. до н.э. Самсуилуна в одной из своих поздних надписей, упоминая эти события, говорит о Рим-Сине (II) как о человеке, который «подвиг Ямутбал на восстание и был избран на царствование в Ларсе» [19, р. 387].

последних очагов восстания продолжались еще несколько лет, примерно с 1739 по 1737 г. до н. э.

Результаты войны 1742–1737 гг. оказались катастрофическими для городов юга Месопотамии. В ходе военных действий, возможно, были разрушены какие-то фрагменты городских систем водоснабжения. Это подтолкнуло наступление давно назревавшего экологического кризиса и привело, по-видимому, к полному развалу ирригационных систем южных городов и прекращению здесь масштабной хозяйственной деятельности. Свидетельства синхронных текстов говорят о происходившем в это же время упадке писцовой и деловой активности в большинстве этих городов. Датировки на табличках, найденных при раскопках, помогают определить, когда были покинуты те или иные города [20].

Самые поздние тексты, найденные в городах Адаб, Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибира, Ур, Кисурра, были записаны в 1739–1737 гг. Прекращение городской деятельности в старых центрах сопровождалось значительным уменьшением (примерно на 40 %) общей площади городских поселений юга. Не создавались и новые поселения [4, р. 165]. Оставшееся в живых население городов либо рассеялось по маленьким сельским селениям, либо мигрировало на север. Часть городского населения (элита) нашла убежище в крупных северных городах: Кише, Вавилоне, Дильбате. Позднее процесс деурбанизации затронул и города центральной и северо-восточной части Южной Месопотамии. К 1720 г. до н. э. города Ниппур и Исин (а позднее и Киш) также были покинуты большей частью населения. Позже всего эти процессы затронули северо-западную часть аллювия, в том числе территорию вдоль канала Арахтум, протока Евфрата, который тек через Вавилон. Здесь городская жизнь продолжалась до начала XVI в. до н. э. (конца правления первой вавилонской династии), когда город Вавилон был разрушен и на несколько десятилетий покинут населением¹⁹. Это событие — разрушение Вавилона — оказалось последней точкой в длительном процессе упадка городских систем Южной Месопотамии периода ранней древности.

Наследниками первой династии Вавилона были касситы. Именно в правление касситской династии вся Южная Месопотамия была вновь объединена в рамках централизованного государства, созданием которого занимался еще Хаммурапи. После пика деурбанизации середины II тыс., когда фундаментом центральной власти оставались сельские поселения, в XIV–XIII вв. до н. э. древние города юга начали постепенно вновь заселяться. Касситские правители организовали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы и возрождению южных городов. Однако во вновь формирующихся по «инициативе сверху» городских структурах отсутствовал сколько-нибудь серьезный уровень автономии и самоуправления. Максимум, на что могли рассчитывать в новых условиях самые богатые и древние города, — это привилегии (*kidinnūtu*), которые даровались им царем

¹⁹ К середине II тыс. до н. э. провинция вавилонского государства была в основном заселена этнически неоднородным населением, значительную часть которого составляли беженцы, переселенцы, депортированные пленные и их потомки, постепенно превратившиеся в основной источник военной силы слабевших царей Вавилона. Есть предположение, что в конце правления последнего царя первой вавилонской династии Самсудитаны в стране вспыхнуло восстание военных поселенцев и наемников, к которым примкнула и часть сельского населения. Страна оказалась в состоянии хаоса, чем воспользовались и воинственные соседи. Город Вавилон был захвачен и частично разрушен. Городское население, оставшееся в живых, бежало [21, р. 116 ff].

и царем же могли быть отобраны. Тем не менее многочисленные города Южной Месопотамии и в последующие века вплоть до конца месопотамской цивилизации сохраняли явный отпечаток той модели городского устройства, которая возникла на юге в середине IV тыс. до н. э.

Заключение

Ранняя социоэкономическая модель общественного устройства, сформировавшаяся в Южной Месопотамии, была основана на феномене города как идентификатора раннего государства. Городские системы возникли на самом юге аллювиальной долины Тигра и Евфрата в конце IV тыс. до н. э. как оптимальная форма организации хозяйственной жизни населения региона с весьма неординарными природными условиями. Они представляли собой самодостаточные хозяйственные, административные и политические единицы. Каждый город и окружающая его территория составляли единую хозяйственную систему, объединявшую в своих рамках некоторое количество населения и соответствующее количество производственных ресурсов, в том числе культурных сельскохозяйственных земель. Стержнем этой системы являлось административно организованное зерновое производство на основе ирригации. В рамках городского хозяйства производились различные виды продукции, прежде всего сельскохозяйственной, осуществлялись сбор и переработка произведенных ресурсов и их перераспределение между всеми членами городской общины. Все хозяйственные и социальные компоненты городского общества были тесно связаны и взаимозависимы. Городская элита формировалась как элита культово-административная, и ее привилегии были тесно связаны с функционированием этой системы.

Такая модель общественного устройства вполне успешно существовала на протяжении почти полутора тысяч лет. За это время неоднократно предпринимались попытки включить города Южной Месопотамии в систему другого рода, сформировавшуюся на севере и северо-западе Великой Месопотамии и представлявшую собой централизованную государственную структуру с наследственной царской властью (некоторые исследователи обозначают ее термином «территориальное государство»). Однако механическое объединение двух фундаментально разных социоэкономических моделей с совершенно разными системами организации власти, производства и распределения ресурсов не могло быть успешным.

Городское население и прежде всего старая городская элита отвечали на такие попытки периодическими восстаниями (XXIV, XXIII и XVIII вв. до н. э.). Эти восстания жестоко подавлялись, но как только центральная власть начинала ослабевать, административные структуры, созданные ею, также быстро распадались, в то время как местные институты власти заново восстанавливались и города Южной Месопотамии возвращались к существованию в рамках традиционной модели. Это происходило таким образом неоднократно, но в последний раз (XVIII в.) внутренних ресурсов, по-видимому, уже не было, и города юга после жестокого подавления очередного поднятого ими восстания против центра просто исчезли с политической карты Южной Месопотамии.

Литература

1. Gelb I. J. Ebla and the Kish Civilization // *La Lingua di Ebla* / ed. L. Cagni. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1981. P. 9–73.
2. Gelb I. J. Mari and the Kish Civilization // *Mari in Retrospect* / ed. G. D. Young. Winona Lake: Eisenbrauns, 1992. P. 121–202.
3. Козырева Н. В. Шумер и Аккад — две модели архаических цивилизаций // *Ассириология и египтология*. СПб.: Скифия, 2004. С. 11–48.
4. Adams R. M. *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Eurphrates*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 383 p.
5. Козырева Н. В. *Очерки по истории Южной Месопотамии периода ранней древности (VII — середина II тыс. до н. э.)*. СПб.: Контраст, 2016. 552 с.
6. Biggs R. D. Semitic names in the Fara Period // *Orientalia*. Roma: Nova Series, 1967. Vol. 36. P. 55–66.
7. Козырева Н. В. Взаимодействия этнических групп в ранней истории Месопотамии // *Вестник древней истории*. 2011. № 3. С. 3–29.
8. Frayne D. Sargonic and Gutian periods, 2334–2113 BC // *Royal Inscriptions of Mesopotamia*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1983. Vol. 2 (RIME 2). 338 p.
9. Westenholz J. *The Legends of the Kings of Akkade*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1997. 410 p.
10. Richardson S. Death and Dismemberment in Mesopotamia: Discorporation between the Body and Body Politic // *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean* / ed. N. Laneri. Chicago; Illinois: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2007. P. 189–208. (Oriental Institute Seminars. No. 3).
11. Westenholz A. The Old Akkadian Period: history and culture // Sallaberger W. W., Westenholz A. *Akkad Zeit und Ur III Zeit*. Gottingen: Wetterstrom, 1999. P. 15–120.
12. Cooper J. S. *Curse of Agade*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983. 350 p.
13. Cooper J. S. *Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions*. Vol. I. Presargonic Inscriptions. New Haven, Connecticut: The American Oriental Society, 1986. 118 p.
14. Jacobsen Th. Iphur-Kishi and His Titles // *Archive für Orientforchungen*. 1978–1979. Bd. XXVI. S. 1–14.
15. Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Writings from the Ancient World. 19. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004. 365 p.
16. Adams R. M. Old Babylonian Networks of Urban Notables // *Cuneiform Digital Library Journal*. 2009. No. 7. URL: cdlj@ucla.edu (дата обращения: 10.04 2017).
17. Veenhof K. R. *Letters in the Louvre* // *Altbabylonische Briefe*. Leiden; Boston: Brill, 2005. 232 p. (Heft. XIV).
18. Heimpel W. *Letters to the King of Mari*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. 657 p.
19. Frayne D. *Royal Inscriptions of Mesopotamia*. Early Periods. Vol. 4 (RIME 4). Old Babylonian Period (2003–1595 BC). Toronto: University of Toronto Press, 1990. 886 p.
20. Stone E. C. The Ur III-Old Babylonian Transition: An Archaeological Perspective // *Iraq*. 2002. Vol. 64. P. 79–84.
21. Richardson S. *The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting* // *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London; New York: Bloomsbury, 2016. P. 101–142.

Для цитирования: Козырева Н. В. Городские восстания XXIV–XVIII вв. до н. э. в Южной Месопотамии // *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 344–364. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2017.401>

References

1. Gelb I. J. Ebla and the Kish Civilization. *La Lingua di Ebla*. Ed. by L. Cagni. Napoli, Istituto Universitario Orientale Publ., 1981, pp. 9–73.
2. Gelb I. J. Mari and the Kish Civilization. *Mari in Retrospect*. Ed. by G. D. Young. Winona Lake, Eisenbrauns Publ., 1992, pp. 121–202.
3. Kozyreva N. V. Sumer i Akkad — dve modeli arkhaiskikh tsivilizatsii [Sumer and Akkad as Two Models of Archaic Societies]. *Assiriologiya i egiptologiya* [Assyriology and Egyptology]. St. Petersburg, Skifia Publ., 2004, pp. 11–48. (In Russian)
4. Adams R. M. *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Eurphrates*. Chicago, University of Chicago Press, 1981. 383 p.

5. Kozyreva N. V. *Oчерки по истории Iuzhnoi Mesopotamii perioda rannei drevnosti (VII — seredina II tys. do n. e.)* [Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)]. St. Petersburg, Kontrast Publ., 2016. 552 p. (In Russian)
6. Biggs R. D. Semitic names in the Fara Period. *Orientalia. Roma: Nova Series*, 1967, vol. 36, pp. 55–66.
7. Kozyreva N. V. Vzaimodeistviia etnicheskikh grupp v rannei istorii Mesopotamii [Interaction of Ethnic Groups in the Early History of Mesopotamia]. *Vestnik Drevnei Istorii* [Journal of Ancient History], 2011, no. 3, pp. 3–29. (In Russian)
8. Frayne D. Sargonic and Gutian periods, 2334–2113 BC. *Royal Inscriptions of Mesopotamia*. Toronto, Buffalo, University of Toronto Press, 1983, vol. 2 (RIME 2). 338 p.
9. Westenholz J. *The Legends of the Kings of Akkade*. Winona Lake, Eisenbrauns Publ., 1997. 410 p.
10. Richardson S. Death and Dismemberment in Mesopotamia: Discorporation between the Body and Body Politic. *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. Ed. by N. Laneri. Chicago, Illinois, The Oriental Institute of the University of Chicago Publ., 2007, pp. 189–208. (Oriental Institute Seminars. No. 3).
11. Westenholz A. The Old Akkadian Period: history and culture. Sallaberger W. W., Westenholz A. *Akkad Zeit und Ur III Zeit*. Gottingen, Wetterstrom Publ., 1999, pp. 15–120.
12. Cooper J. S. *Curse of Agade*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1983. 350 p.
13. Cooper J. S. *Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. Vol. I. Presargonic Inscriptions*. New Haven, Connecticut, The American Oriental Society, 1986. 118 p.
14. Jacobsen Th. Iphur-Kishi and His Titles. *Archive für Orientforschungen*, 1978–1979. Bd. XXVI, pp. 1–14.
15. Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles. Writings from the Ancient World*. 19. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2004. 365 p.
16. Adams R. M. Old Babylonian Networks of Urban Notables. *Suneiform Digital Library Journal*, 2009, no. 7. Available at: cdlj@ucla.edu (accessed: 10.04.2017).
17. Veenhof K. R. Letters in the Louvre. *Altbabylonische Briefe*. Leiden, Boston, Brill, 2005. 232 p. (Heft. XIV).
18. Heimpel W. *Letters to the King of Mari*. Winona Lake, Eisenbrauns Publ., 2003. 657 p.
19. Frayne D. *Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 4 (RIME 4). Old Babylonian Period (2003–1595 BC)*. Toronto, University of Toronto Press, 1990. 886 p.
20. Stone E. C. The Ur III–Old Babylonian Transition: An Archaeological Perspective. *Iraq*, 2002, vol. 64, pp. 79–84.
21. Richardson S. The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting. *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London, New York, Bloomsbury Publ., 2016, pp. 101–142.

For citation: Kozyreva N. V. Urban uprisings in Southern Mesopotamia (24th–18th century B. C.). *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9, issue 4, pp. 344–364. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2017.401>

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2017 г.
Статья рекомендована в печать 31 августа 2017 г.

Контактная информация

Козырева Нэлли Владимировна — доктор исторических наук, профессор;
n.v.kozyreva@gmail.com
Kozyreva Nelly V. — Doctor of History, Professor; n.v.kozyreva@gmail.com